

Модернизация России: между “вестернизацией” и поиском собственного пути

Орест Мушук,
профессор

Не так давно на страницах “МК” (2007. 27 февраля) было опубликовано обширное интервью бывшего британского посла в Москве сэра Родерика Лэйна, посвященное проблемам взаимоотношений России и Запада, которые, в оценках многих аналитиков, приобретают сегодня все более явно выраженный “натянутый” характер. Вплоть до того, что “местами” начинают напоминать возврат к временам, казалось бы, уже канувшей в Лету “холодной войны”.

Одним из ключевых направлений “недовольства” Запада Россией – лавинообразно растущие обвинения (прежде всего, В.В.Путина как Президента РФ) в свертывании демократии и уничтожении гражданских прав и свобод. В интенсивном “дрейфе” в сторону реставрации тоталитарно-авторитарного режима (чуть ли не со “сталинским лицом”).

На этом далеком от дружелюбия антироссийском фоне мнение человека, который не понаслышке, а, что называется, “вживую” знаком с Россией и непосредственно наблюдал “родовые муки” демократии в нашей стране, особенно ценно и заслуживает самого пристального внимания.

Тем более что это мнение отличается достаточно взвешенным, реалистичным взглядом на существующее в этой области положение вещей. И, как таковое, явно “выпадает” из дружного хора тех, кто на Западе, да кое-где и на геополитическом пространстве бывшего СССР, а также в самой России “посыпает голову пеплом” и “правит тризну” по “молодой несовершенной демократии”, якобы сформировавшейся в стране на рубеже двух веков¹.

I

На вопрос интервьюирующего М.Ростовского, *согласен ли сэр Родерик Лэйн с тем, что многие эксперты уже успели “похоронить” демократию в России*, интервьюируемый ответил однозначным “нет”. Подчеркнув при этом, что для того, “чтобы умереть,

надо сначала родиться. А я не считаю, что демократия в России уже родилась. Демократию невозможно построить сверху вниз – только наоборот”. И далее. “Характерный для 90-х годов оптимизм Запада по поводу скорого стремительного построения демократии в

России был излишне наивным. Надо было понимать, что переходный период в такой большой стране будет очень долгим и трудным. Правда и то, что развитие демократии занимает очень много времени в любом государстве. Например, моей стране для этого потребовалось около пяти столетий”.

С этим мнением нельзя не согласиться. Ибо, действительно, демократия ни в одной из западных стран не являлась “чистым” продуктом революции. Это всегда был результат длительной, растянувшейся на века, эволюции, естественно-исторического поступательного развития, в котором ключевая роль принадлежала не верхам (и не государству в качестве “архитектора-проектировщика” и “прораба-строителя”), а стихийному творчеству низов.

Что касается происходивших буржуазных и буржуазно-демократических революций, то они не выступали “повивальной бабкой” демократии. А только знаменовали собой переход власти из рук феодальной аристократии в руки нового возвращенного эволюцией класса – буржуазии. И в этом смысле могут рассматриваться лишь как “акт зачатия” демократии, но не как ее утверждение в качестве развитой формы организации человеческого бытия. Хотя бы по простой причине, что демократия (будучи по определению народовластием) не могла возникнуть в готовом виде в недрах деспотического феодального правления – самодержавной абсолютной власти, сведенной к формуле французского короля Людовика XIV: “Государство – это я”.

Не мешало бы всем нам в России усвоить одну, в принципе, довольно тривиальную истину: демократия – это не авторитарная диктатура, при которой, если “сила есть, ума не надо”, и которую можно в одночасье установить с помощью вооруженного “революционного” насилия.

Для того чтобы демократия прочно утвердилась в жизнедеятельности социума, необходим некий исходный минимум его (социума) “формационной” зрелости.

Когда если не все, то большинство необходимых для демократии средовых материальных и нематериальных предпосылок и условий (в том числе политико-правовых и социокультурных) имеются налицо. Или, по меньшей мере, находятся в процессе становления.

Если же это не так, то (даже продиктованное благими намерениями) введение демократии методом “окунания” в нее абсолютно не подготовленной для такого “купания в свободе” массы, то есть народа, не “вышколенного” более или менее длительной социальной практикой, основанной на господстве частной собственности, – ничего кроме разрушения в себе не несет. И вместо того, чтобы “насладиться” свободой и демократией, общество погружается в социальный хаос и анархию, в то, что дореволюционный философ и правовед С.Л.Франк назвал “бесчинством разнузданности”.

Идеолог “мирного анархизма” князь П.А.Кропоткин в своих биологически-политологических построениях, вслед за Ж.-Ж. Руссо, исходил из предположения, что человек по своей природе добр. И в своей жизнедеятельности основывается не на дарвиновском принципе выживания за счет “пожирания” себе подобных (“съешь ближнего, ибо ближний съест тебя”), а на принципах взаимопомощи и сотрудничества, “внутривидовой” солидарности. Отсюда он умозаключал, что стоит лишь упразднить государство, как чуждый человечеству аппарат насильственной и неправильной его организации, и свобода, оплодотворенная приверженностью человека добру, устроит все сама.

Затевая реформы, мы надеялись, что придет рынок и, будучи саморегу-

лирующей и самонастраивающей системой, все расставит по своим местам, все образует, как надо. И борясь за свободу, обратили свой основной удар против государства – этого веками державшего нас в несвободе и страхе “тюремщика”. Но когда в “один прекрасный момент” пали “оковы тяжкие” и рухнули “темницы темные”, и искомая “свобода радостно встретила нас у входа”, мы буквально опьянели от нее. Или, говоря словами Родерика Лейна, “ее (свободы) перепили”. И повели себя именно как “в доску пьяные”, то есть без каких бы то ни было тормозов и внутренних табу. Без оглядки на Бога, закон, общественное мнение.

Эта свалившаяся как снег на голову свобода стала для нас синонимом вольной волюшки, права на неподвластное своеволие, на поведение по принципу “сегодня все позволено”, “сегодня все можно”. Тем более, что этот наш многовековой “тюремщик” в лице государства в результате очередного (второго за одно столетие) разрушения “до основания” старого мира оказался на-

столько ослабленным и немощным, что был не в состоянии сколько-нибудь радикальным образом помешать нам в этом “опьянении свободой”.

Как итог, социальное и духовное начала в жизни отечественного социума оказались потесненными и отодвинутыми на задний план. Тогда как на первое место выступило “зверино-земное” биологическое начало. Доминантной чертой общественной жизнедеятельности стал криминальный, правовой и чиновничий беспредел.

И в этом беспределе, в этом “бесчинстве разнузданности”, несомненно, есть что-то от варварства, какое-то догражданское состояние. Это подтверждение того, что “дитя неволи для свободы слаб”. Что “не вовремя дарованная (сверху) свобода, хуже рабства”. Что свободой также опасно распоряжаться, как и атомной энергией – если нет знаний, опыта, взращенной эволюцией и частной собственностью социальной ответственности и самодисциплины личности, то разрушительного взрыва не избежать.

II

В ответ на просьбу озвучить свой прогноз: *родится ли у нас когда-нибудь младенец “демократия”?* – сэр Родерик Лэйн высказался в том смысле, что “россияне сами должны решить, насколько сильно они хотят демократии. В нынешний момент я не чувствую здесь такой уж сильной тяги к ней. Большинство людей вспоминает о 90-ых годах как о кошмарном периоде хаоса и нестабильности. И весь этот негатив ассоциируется с демократией – несправедливо, с моей точки зрения”.

Действительно несправедливо. Ибо, в этом “кошмаре”, в ассоциации типа: “ни кола, ни двора – демократии пора” виновата не демократия сама по себе. Как самую темную и грязную в много-

вековой истории России историю 90-х годов писала не демократия, а те, кто, прикрываясь ее именем, под сенью наспех сколоченной “демократической крыши”, до основания разрушил страну – после США вторую по мощности державу мира. И, “экспроприровав” (посредством ваучерной приватизации и залоговых аукционов) громадное достояние, созданное тяжким трудом предыдущих (социалистических) поколений, в миг превратил народ в нищего. Кто обрек на деградацию и вымирание в масштабах, угрожающих самому существованию его как отдельного социума.

Не секрет, что именно с 1992 г. в России начал и продолжает интенсивно

развиваться процесс депопуляции – ежегодная убыль населения приближается к миллионной отметке. Как реакция на безысходность, характер национального бедствия приняла в стране массовая алкоголизация, распространение наркомании и других форм девиантного (асоциального и противоправного) поведения.

В конце первого десятилетия радикально либеральных рыночных реформ Борис Стругацкий со ссылкой на высказывание Фридриха Хаека: “эволюция не может быть справедливой”, в интервью “НГ” сформулировал максиму: “Вытеснение одних общественно-экономических отношений другими – всегда безумно болезненная и дьявольски несправедливая процедура... Большинство... всегда проигрывает в результате социальных пертурбаций, потому что именно на этом большинстве веками стояло и царило старое. А выигрывает меньшинство – самые энергичные, самые мобильные, самые приспособленные к новым условиям. Выигрывает для того, чтобы со временем через два-три-четыре поколения стать большинством в новой системе социально-экономических отношений”².

Автор этой максимы, несомненно, прав в том плане, что любые радикальные социальные реформы, действительно, не могут быть одинаково справедливыми для всех. Да и сам рынок (капитализм) как способ производства и воспроизводства общественной жизни, основанный на частной выгоде и личном интересе, изначально предполагает наличие в обществе определенных “несправедливостей”. И понятие социальной справедливости относится к числу тех, которые не входят в состав его основополагающих базовых ценностей.

Но все дело в том, что в условиях постсоциалистической России речь идет не об эволюции, а исключительно о революции, причем революции не снизу, а сверху. По отношению к этой революции как способу “социальных

пертурбаций” посредством насилия и произвола эволюция как раз более справедливая “штука”, так как в ее рамках новое рождается постепенно, в недрах старого. И большинство имеет возможность, так или иначе, приспособиться к меняющимся реалиям среды. И хотя, конечно, по причине своей малоподвижности и консервативности, оно не так выигрывает, как “держашее нос по ветру” активное меньшинство. Но его вряд ли можно отнести к абсолютно проигравшему от эволюции большинству.

У нас же в силу криминально-бюрократического “разнузданного” характера революции “верхов” большинство не только проигрывает. Оно вообще лишено перспективы в том смысле, что ныне преуспевающее меньшинство будет превращаться в большинство за его счет, то есть за счет восходящей вертикальной социальной мобильности (“социального карьеризма”) низов. Но будущие генерации в основной своей массе никогда не станут жить хорошо, если сегодняшние в целом живут изрядно плохо. Ибо бедные не могут массово воспроизводить богатых. Бедные могут массово воспроизводить только себе подобных, то есть бедных.

Это, со всей очевидностью, подтверждает нынешняя динамика российских доходов. Установившаяся в качестве основного результирующего социального продукта “рыночных” реформ вопиющая пропасть между богатыми и бедными в России не только не сокращается, а продолжает увеличиваться.

Недавно обнародованные расчеты Росстата показывают, что состояние 10% самых богатых россиян в 15,5 раза больше 10% самых бедных (в 2005 г. году эта разница составляла 14,9 раза, в 1998 г. 13,8 раза).

Если еще в 2000 г. в публикуемых американским журналом *Forbes* списках миллиардеров не было ни одного россиянина,

то в 2006 г. их в этом списке стало 53. А совокупное достояние этой “когорты” отечественных набобов достигло 282 млрд. долл., что вполне соизмеримо с годовым бюджетом России.

Занимая по числу долларовых миллиардеров, третье место в мире, наша страна, согласно рейтингу ООН, построенному на таких показателях, как продолжительность жизни, уровень образования и объем ВВП, стоит лишь на 65-м месте – расположившись между Ливией и Македонией.

III

Особого внимания в интервью Родерика Лэйна заслуживают строки о том, что Россия сегодня “выглядит более преуспевающей, чем когда-либо в своей истории. И наиболее важным для населения является именно материальный аспект. Но в будущем должны появиться и другие потребности.

Во многих странах демократия возникла именно тогда, когда уже обладавший правом частной собственности средний класс захотел еще права оказывать влияние на политику”.

Если первая часть этих строк (о преуспевании России) далеко не бесспорна, то вторая дает ответ на один из центральных вопросов истории генезиса и развития демократии, а именно: без экономической суверенной и независимой личности (причем личности, представляющей не верхний слой, а массу среднего класса), ее (демократии) возникновение невозможно, так как только человек, в той или иной мере огражденный от материальной нужды, не озабоченный повседневным добыванием “хлеба насущного”, может стать хозяином собственной судьбы. Проявить себя как индивидуальность не только в экономической сфере, но и на ниве духовного творчества, активной общественной и политической деятельности и т.д.

По данным за 2005 г., за чертой бедности в России живут 34 млн. чел.

Если у богатых с учетом того, что в стране существуют десятки способов отъема собственности (в том числе и легальных), всегда сохраняется шанс вернуться на исходную (в лоно “семьи трудовой”) и вновь поселиться в “хрущевках”, то у бедных и их детей возможностей “выбиться в люди” и стать богатыми практически нет.

Только *beati possidentes* (обладающие имуществом) могут быть полноценными гражданами – людьми с развитым чувством собственного достоинства и потребностью к свободе, лучше любого правительства знающие, что им нужно для счастья, а посему не позволяющие этому правительству воспринимать себя в качестве “винтиков” и управлять как “стадом баранов”.

Как это, на первый взгляд, вульгарно материалистически не звучит на фоне пафосных восклицаний наших правых о свободе как высшей человеческой ценности, которую нельзя “менять на кусок хлеба”, без такой материально обеспеченной личности свобода превращается в химеру. Она только тогда становится явью, когда в обществе снимается проблема выживаемости и достигается некий исходный уровень “всеобщей сытости”. Когда не только элита, но и масса живет, если и не “припеваючи”, то в любом случае безбедно, на достойном человека уровне.

Не секрет, что в иерархии человеческих потребностей свобода (гражданская, политическая и т.д.) относится не к потребностям первичным (физиологическим), а к потребностям более высокого порядка – социальным и духовным. Между тем эти последние выдвигаются на первый план лишь по мере удовлетворения физиологических.

Как отмечает американский социолог А.Маслоу, "человека голодного ничего не интересует, кроме еды... Про него можно сказать, что он живет одним хлебом... Но когда хлеб есть, сразу возникают другие (и более высокие) потребности, и именно они господствуют"³.

Из этого следует, что свобода только тогда является реальной, когда массово востребована обществом снизу, а не сверху. Востребована в условиях, когда если не все, то большинство в этом обществе созрело для свободы и вне ее не мыслит своего существования.

Если же это не так, то свобода с неизбежностью принимает форму урезанной (ограниченной) свободы и реализуется в виде свободы для одних (богатого меньшинства) за счет изъятия из свободы других (бедного большинства).

Свобода, ограниченная нищетой и бедностью, на самом деле является не свободой, а рабством. И единственным "правом", которым в этих условиях реально может воспользоваться человек, это "право" на суицид.

Не случайно, что по количеству самоубийств Россия вышла, чуть ли, не на первое место в мире. По данным за 2001 г., из каждых 100 умерших 28 чел. умирают у нас от "неестественных причин" (в том числе суицида), что в четыре раза выше, чем в развитых странах.

В этом свете, очевидно, что все стеснения по поводу свертывания гражданских прав и свобод в России – чистой воды фарисейство. Это исключительно стеснения богатого меньшинства, которое желало бы и дальше процветать в "узком кругу", не чувствуя под собой страны и безнаказанно грабя ее, не связывая себя ни юридическим, ни нравственным законом.

Что касается народа, то к нему эти стеснения не имеют никакого отношения. Ибо в реалиях гражданские права и свободы для народа – всего лишь красивая конституционная сказка. Он от них отчужден, не в состоянии ими воспользоваться. И по причине всеобщей "несытости" и "разуности" нуждается пока не в "зрелищах", а в "хлебе".

IV

Нельзя не согласиться с Родериком Лэйном и в том, что "постоянно оставаться в состоянии авторитарного правления – гарантия отсталости. И я не думаю, что высокообразованные русские хотят быть отсталыми. Но опять же при любых раскладах формирование демократии займет очень много времени".

И здесь стратегически важным для судеб России является ответ на вопрос, *какими должны быть эти "расклады" в ее движении к демократии? Насколько правомерно говорить об этом движении как о строительстве "суверенной (русской) демократии"? Или же это движение должно сводиться к простому воспроизводству уже готовых форм (образцов), которые истори-*

чески сложились и развились в западных странах?

Подобно тому, как "все дороги ведут в Рим", но у каждого народа (при этом) своя дорога, так и движение к демократии у каждого народа должно быть свое.

Есть универсальные, признанные всем мировым сообществом, исходные (базовые) принципы демократии, но нет универсальной, применимой вне времени и пространства, "всеядной" модели демократии. Ибо при всех своих достоинствах, западная демократия, тем не менее, не является (и не может являться по причине цивилизационной и континентально-региональной многоликости культур и народов) ни всемирно правильной, ни всемирной мо-

делью, вне которой прогресс человечества якобы невозможен.

Восток – это все-таки Восток. А Запад – это Запад. И далеко не все то, что хорошо на Западе, так же хорошо на Востоке. И то, что на Западе является благом, на Востоке вполне может обернуться бедой.

Переход той или иной страны на демократические рельсы в любом случае должен осуществляться в рамках свободного выбора собственной “столбовой дороги” без каких бы то ни было внешних принуждений и “понуканий”, и, тем более, без попыток насильственного экспорта, насаждения с помощью вооруженной силы (как это делают США и их союзники по Атлантическому блоку в Ираке) на национальную почву того, что по отношению к менталитету народа и идущим из глубины веков традициям общественного обустройства выступает “чужеродным телом”. Это является своего рода “имплантантом”, который силой пытаются вживить в общественный организм.

С этой точки зрения движение России к демократии должно носить не характер революционной ломки “старого” и выметания его до такой степени, чтобы не осталось ни грана, ни пылинки, чтобы в стремлении стать на Западе “своим” среди “чужих”, доевропеизироваться до того, чтобы “обезручить” Россию, лишить ее национальной самости.

Что здесь требуется, так это умело поощряемая и подталкиваемая государством и высшими политическим руководителями в этом демократическом направлении “спокойная” эволюция. Постепенные общественные преобразования, в ходе которых социум имел бы возможность без спешки переработать на свой лад чужое и убрать из него лишнее, все то, что претит ему антро-

пологически – по происхождению, по природе, по духу, по корневым основаниям.

Говоря иначе, к свободе (и к рынку) в “формационно” не созревшем для них обществе следует двигаться не с помощью “красногвардейской атаки” на старое, не с помощью бездумных шоковых имплантаций и терапий, а по-восточному мудро, “по-китайски”, то есть без спешки, без политических авралов, без скоропалительности решений, без шарханья от одной беспомощной крайности к другой. Требуется тщательно просчитывать и скрупулезно выверять каждый свой шаг. Не отказываясь при этом (что не менее важно) от использования западного (да и восточного тоже) положительного опыта.

Но использовать этот опыт необходимо не наскоро и не механически, а основательно и творчески – сохраняя свой культурный (ментальный) код, наполняя наши привычные практики и устои народной жизни новым содержанием, не отказываясь от них, не разрушая их самобытных корней. Созидая конкретную русскую (российскую) жизнь, а не пародийную (“кривозеркальную”, как в 90-е годы) копию с евро-американского оригинала.

Созидать (творить) эту жизнь нам следует не столько сверху (через государственное принуждение), сколько снизу (через инновационную стихию масс), сведя роль государства к роли верховного менеджера-управляющего общественными делами, ответственного за создание и обеспечение благоприятных политико-правовых условий для такого всенародного творчества новой жизни. При этом государство должно воздвигать трудно преодолимые барьеры для проявления всякого рода “хватательных” рефлексов и инстинктов, жажды наживы любой ценой.

V

Эволюционное движение России к демократии должно обрести форму правительственного курса, ориентированного на формирование всех необходимых предпосылок того, чтобы “старая” недемократическая Россия “мирно (без глобальных, в масштабах для всего социума потрясений) вросла” в Россию “новую”, демократическую. Необходимо, чтобы:

– декларируемый в Конституции РФ народный суверенитет наполнился реальным содержанием, и единственно возможным и легитимным способом обретения верховных полномочий власти стали бы действительно свободные, честные и соревновательные выборы. А массовый избиратель обрел бы способность делать свой выбор с чувством высокой ответственности и гражданской ответственности, руководствуясь не эмоциями (и не призывами “голосовать сердцем”), а только и исключительно разумом и здравым смыслом;

– произошла столь необходимая для утверждения участвующей демократии “деприватизация” (национализация) государства, то есть изъятие этого института из рук чиновничьей корпорации в качестве “вещи для себя” (государства-бюрократии) и превращение в “вещь для всех” (государство-нацию). При этом чиновник из всевластного и тщеславного (надменного) “барина” превратился бы в того реального “слугу народа”, коим он неизменно именуется еще с советских времен;

– в обществе в качестве нормы утвердилось идеологическое многообразие, и ни одна из идеологий не претендовала бы (а, тем более, официально не закреплялась бы) как единая и обязательная для всех государственная идеология. Как идеология, которая объявляется единственно верной, а посему монополизирует за собой право опре-

делять приоритеты и цели общественно-исторического развития, а ее творцы-носители – судьбу страны и ее многонационального народа;

– укоренились свободно формируемые негосударственные, не ангажированные (и не иницируемые) властью политические партии, которые реально отражали бы социальную неоднородность гражданского общества, его дифференциацию на иерархические расположенные классы и группы. При этом партии, именуемые по критерию статусной принадлежности своих членов “партиями власти”, канули бы в Лету;

– политические партии ограничили свою роль участием в свободных выборах, на которых они в качестве претендентов на право быть правящими, выступали бы с неидеологизированными, сугубо прагматичными избирательными программами, декларировали бы реально достижимые “намеренные результаты”, отражающие интересы тех социальных слоев и классов, которых они представляют;

– функционирование политической системы строилось на основе свободной и честной конкуренции и соперничества политических партий и союзов, а также соглашений между ними, образования коалиций, стремящихся к парламентскому большинству, к тому, чтобы играть решающую роль в определении и реализации государственной (внутренней и внешней) политики, рационализации и повышению эффективности государственного управления;

– вошло в качестве неизменного атрибута политической системы существование меньшинства, не определяющего государственную политику, и потому не несущего за нее ответственность. В функцию меньшинства должна входить оппозиционная политическая деятельность, разработка альтернативных про-

грамм общественного развития, конструктивная критика государственного руководства, идеологическая и кадровая подготовка его смены;

– стал реальностью основополагающий принцип организации и функционирования государственной власти в условиях демократии, а именно – принцип разделения властей. Народные избранники, высшие должностные лица и вся “чиновничья рать” неукоснительно соблюдали бы олицетворяющее этот принцип правило: “разрешено только то, что разрешено”, то есть работали бы в строгих рамках возложенных на них полномочий и были лишены возможности совмещения парламентского мандата или правительственной должности с занятием предпринимательской и коммерческой деятельностью за исключением случаев, специально оговоренных в законе и связанных с представительством государственных интересов;

– сформировалась, говоря словами Родерика Лэйна, “по-настоящему независимая, справедливая и оперативная судебная система” и правосудие отпиралось бы не “по преискуранту”, а по кодифицированным законам; исчезло бы так называемое телефонное право, а вместе с ним и возможности ухода от уголовной ответственности высших “сановных” лиц и “денежных мешков”; появилось и стало нормой олицетворяемое древней богиней правосудия Фемидой равенство всех перед

законом (в том числе в плане ответственности за его произвольные нарушения);

– обрели прочные политико-правовые гарантии и незыблемость политические права и свободы (гласность, свобода слова, печати, уличных шествий, демонстраций, самостоятельных митингов, движений протестов и т.п.), при помощи которых суверенные субъекты гражданского общества проявляли бы свою активность и осуществляли бы свою самостоятельность в политической сфере, в том числе беспрепятственно контролировали бы (и призывали в случае необходимости к ответу) власть имущих на всех уровнях властной иерархии, лишая полномочий тех из них, кто не оправдал доверия;

– преодолел олигархическую и космополитическую форму отечественный бизнес, произошла переориентация предпринимательской деятельности из сферы спекулятивного перераспределения (“перекупи-перепродай”) и преимущественного развития индустрии развлечений на производственную сферу. Нормой стала бы корпоративная и социальная ответственность, и такое понятие как “процветающее Отечество” определяло бы систему ценностей и целеполаганий не только государства, но и бизнеса, а олицетворяемый им частный интерес не противоречил бы и не выходил за рамки интереса общественного (общенародного).

VI

При всех прочих составляющих этого мирного (эволюционного) вращающегося России в демократию и ее превращения в действительно свободную и процветающую державу первое (и основное), что требуется – это возрождение сильного государства Российского как верховного социального арбитра и менеджера-управляющего обществен-

ными делами, сильного не только в Центре, но и на всем протяжении властной вертикали: “от Москвы до самых до окраин”.

Такое государство, как отмечает отечественный историк А.Зубов, необходимо не только для пользы бедных, но и для пользы богатых, для осуществления общего блага. Поэтому “раз-

рушать его ради своего частного блага – даже не преступление, а просто глупость, хотя и преступная. Если не порядочность, то хотя бы здравый смысл требует его сохранения”. В противном случае “Отечеству нашему окончательно придет конец, и столетие революционной катастрофы 1917 г. будет ознаменовано исчезновением России с политической карты мира”⁴.

В данном случае речь идет о возрождении государства Российского не как тоталитарной машины с мобилизационной экономикой и жестким принудительным регулированием общественной жизнедеятельности на всех ее срезах; не как государства, которое наделяет себя чрезвычайными полномочиями и вводит чрезвычайные положения, заодно приостанавливая действие законов, запрещая забастовки и демонстрации, закрывая оппозиционные газеты и телеканалы, устанавливая жесткую цензуру.

Имеется в виду государство как рационально-правовым образом организованная и ограниченная правом демократическая власть, которая, опираясь на закон и используя его во благо, выступает в качестве технократически легитимной и функционально высокоэффективной (дееспособной) институциональной силы, способной обеспечить в стране законность и порядок, гарантировать устойчивость социальной жизни, свободу и безопасность каждого и всех. Кроме того, эта власть способна объединить вокруг себя все здоровые силы нации (в том числе бизнес в качестве ответственного и равно-

правного социального партнера) и, в рамках традиционного для России действия “всем миром”, создать такую общественную систему и мораль, которые сочетали бы в себе традиционные для страны социальные ценности и частную инициативу. Способствовали бы росту социальной стабильности и экономическому развитию, установлению в обществе взаимоотношений мира и согласия.

В не меньшей мере требуется тщательно просчитанная стратегия “опоры на собственные силы”, рациональное использование несметных природных богатств и интеллектуального капитала, а также ответственные политические руководители и лидеры, которые, принимая то или иное судьбоносное для страны решение, не оглядывались бы на фарисействующий Запад, не стремились бы ему понравиться. Они **должны быть державно своекорыстными прагматиками** и во всем руководствоваться только и исключительно интересами России, интересами ее многострадального народа.

Если процесс генезиса и развития демократии сравнить с процессом деторождения, то нельзя, будучи в здравом уме и рассудке, утверждать, что в России уже появился младенец “демократия”. Пока все то, что сделано в стране за первые пятнадцать лет реформ, даже не тянет на “предродовые схватки”. В лучшем случае можно говорить только о болезненном для общественного самочувствия процессе зарождения и развития “эмбриона”. И не более того.

Примечания:

- ¹ *Гайдар Е.* Гибель империи. Уроки для современной России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 429–437.
- ² НГ – Фигуры и лица. 1999. 10 сентября. № 14. С. 5.
- ³ Цит. по: *Эпштейн С.И.* Индустриальная социология в США. М.: Политиздат, 1972. С. 88.
- ⁴ *Зубов А.Б.* Почему в России нет государства // НГ – Сценарии. 2001. 17 января. № 1. С. 7.